

стей и моделей поведения, вовлечению сотрудников и представителей коллектива в решение общих задач [6, с.210].

В заключение хочется привести не теряющие актуальности слова профессора Н. А. Муравьевой: «Если у организации нет хотя бы одного действующего информационного ресурса, это означает только одно: его будущее в определенной степени находится под угрозой» [4, с. 99].

Литература

1. Кайбияйнен А. А. Влияние вузовской прессы на формирование профессионального имиджа студентов и формирование гражданской позиции // Политическое образование и гражданская позиция молодого поколения России: материалы всерос. науч.-практ. конф. (27–29 марта 2009 г.). Казань: Казан. (Приволж.) федер. ун-т, 2010. 44 с.

2. Мавлютов Р. Р. Уфимскому ордена Ленина авиационному институту имени Серго Орджоникидзе – 50 лет. Очерк истории. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1982. 227 с.

3. Максимов В. В., Найдён Е. В., Серебренникова А. Н. Дискурсивные особенности современной университетской газеты [Электронный ресурс] // НТБ ТПУ. URL: http://www.lib.tpu.ru/fulltext/v/Bulletin_TPU/2012/v320/i6/27.pdf (дата обращения: 17.06.2020).

4. Муравьева Н. А. Вузовские медийные ресурсы // Высшее образование в России. 2006. № 7. 99 с.

5. Сидорова Т. И., Чемякин Ю. В. Вузовские СМИ в системе корпоративных медиа [Электронный ресурс] // Медиаскоп: электронный науч. журнал. URL: <http://www.mediascope.ru/node/887> (дата обращения: 17.06.2020).

6. Тумилович Н. А. Издания учреждений образования как сегмент корпоративной прессы [Электронный ресурс] // Электронная библиотека БГУ. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/91252> (дата обращения: 17.06.2020).

УДК 82

С. Н. Морозова (Пенза, Россия)

Военная академия материально-технического обеспечения (филиал)

Драматургия Ф. Шиллера в литературно-критическом осмыслении К. И. Чуковского

В статье рассматриваются особенности литературно-критического осмысления драматургии Ф. Шиллера К. И. Чуковским. Дается объяснение, почему в России большей популярностью, по сравнению со стихотворениями немецкого поэта, пользовались его драматические произведения. Осмыслена специфика общего восприятия К. И. Чуковским творчества Ф. Шиллера по материалам статьи «Памяти Шиллера».

Ключевые слова: К. И. Чуковский, Ф. Шиллер, русско-немецкие литературные связи, межкультурная коммуникация, романтизм

Имя Шиллера в России стало широко известно в начале XIX столетия. Мятежный дух его ранних произведений, нравственный пафос лирики, поиск эстетического идеала как способа справедливого устройства общества в произведениях позднего периода имели большое влияние на передовую молодежь и русскую литературу. В 1805 году в московском журнале «Аврора» была напечатана первая на русском языке критическая статья о немецком поэте – «Фридрих Шиллер. Эстетическая и философская характеристика его творений» (1805 г.). В статье сопоставляются ранний (социально-критический) и поздний (классический) периоды творчества Шиллера, каждый из которых соотносился отечественными критиками с романтическим направлением в литературе.

На протяжении XIX и XX веков появлялись десятки критических статей в литературно-общественных журналах, был издан ряд биографических очерков и исследований по отдельным вопросам творчества поэта, о чем свидетельствуют многочисленные труды исследователей: В. Ф. Асмуса [1], Н. Я. Берковского [2], Ю. А. Веселовского [3], Р. Ю. Данилевского (автор рассматривает творческое наследие Шиллера в русле предромантической эстетики) [4], В. М. Жирмунского [5], П. Ланштейна [6], З. Е. Либинзона [7] и др.

Во многих работах теории литературы говорят о влиянии драматического и поэтического творчества Шиллера на русскую литературу. Особое место в этих трудах уделяется проблеме заимствования национальной традицией мотивов и образов немецкого поэта в произведениях некоторых русских писателей и поэтов. Большая часть исследований посвящена драматическому наследию немецкого писателя, а анализ стихотворений соотносится с определенным творческим этапом поэта в рамках конкретного литературного направления.

Большая популярность драматургии Шиллера, по сравнению со стихотворениями, объяснялась самим жанром (в России драмы Шиллера в театральных постановках всегда вызывали интерес), и тем, что в драматических произведениях немецкий писатель воплотил свои основные эстетические и философские концепции.

Не менее важной для литературоведов является тема переводов произведений Шиллера в России, так как отношение к творчеству Шиллера у отечественных писателей было различным. По этому поводу Чуковский в своих критических работах о теории художественного перевода отмечал, что природа таких переложений (при сохранении мотивов и образов немецкого писателя) позволяет создать писателю оригинальное произведение, самостоятельное в художественном отношении. Поэтому Шиллер оказал не только идеологическое влияние в популяризации в России нового литературного направления, но и

способствовал формированию художественно-эстетического стиля русских переводчиков XIX века.

Творчество Шиллера в России в разное время воспринималось неоднозначно. Под влиянием изменений, происходивших в русской литературе, оно то оказывалось в центре литературных споров, то заслонялось другими именами. Одним из наиболее малоизученных периодов были последние годы XVIII, начало XIX вв. Период, про который Чуковский скажет, что шиллеровский дух, презирующий насилие, злобу и вражду, столь популярный в эпохи общественного подъема, в 80-ые и 90-ые годы не был принят: «Для тонкого эстетического вкуса "упадочников" – наивный пафос "Разбойников" и "Вильгельма Телля" – казался грубым, ребячливым и фальшивым. Народилось "непротivление злу". Заговорили о "внутренней свободе, независимой от внешних условий". Началась проповедь "малых дел и незаметных подвигов"... Интеллигенция разбре-лась кто в буддизм, кто в чистую эстетику, кто к зеленому столу. Все, как Чеховский Лебедев, племянник гегельянца, "сидели и околеванца ждали". Хотелось воскликнуть вместе с поэтом:

– О, кто теперь напoмнит человеку Высокое призвание его?» [8].

Каждый кризисный поворот в развитии общественных отношений в России незамедлительно вызывал интерес к произведениям Шиллера, которые рассматривались в такие моменты как призыв к борьбе и революции. В такие моменты, как пишет Чуковский в статье «Памяти Шиллера» (1905 г.), свободолюбивый шиллеровский дух вновь воскресает, в литературе появляются новые герои: «Пришел Горький, привел "босяка", воспел "безумие храбрых", пришел Ницше, пришел с севера богатырь Ибсен, – и Шиллер, свободный, могучий, влюбленный в человечество Шиллер воскликнул устами своего Телля:

И вот я здесь! Спасен от власти бури.

И от тиранской власти – человек!

И "здесь" он будет, куда есть в людях негодование к тирании, к рабству, к угнетению свободнорожденного человека» [8].

Но после спада реакции внимание к творчеству немецкого писателя либо ослабевает, либо оно рассматривается с других, аполитичных, менее активных позиций.

Популярность Шиллера в России также была связана с известнейшими постановками его пьес. Хотя Чуковский в названной выше статье считает, что Шиллер не был истинным драматургом, потому что во всех его драмах единственным героем был сам немецкий писатель со своей светлой душой. По мнению Чуковского, востребованность драматических произведений Шиллера в России объясняется их свободолюбивым пафосом и актуальностью поднятых тем в национальных общественно-исторических условиях: «Теперь он – герой нашей родной драмы, – теперь нет у нас никого ближе этого героя. Много

народов посетил он уже – и теперь вновь пришел к нам – провозвестником русской свободы и русского возрождения:

*– Теперь, герольд, спеши к твоим вождям,
Но знай, – когда с сей вестию до стана
Достигнешь ты, – уж дева будет там
С кровавою свободой Орлеана!» [8].*

Первым переводом популярной драмы Шиллера «Разбойники» на русский язык явилась книга «Разбойники, трагедия г. Шиллера». Перевод был сделан в 1793 году драматургом Н. Н. Сандуновым, который переводил не оригинальный текст Шиллера, а театральную обработку драмы, сделанную немецким драматургом К. М. Плюмиком в 1782 г. Текстовые изменения ослабили бунтарский характер произведения, так как для немецкого зрителя изменение времени действия меняло смысл пьесы, ослабляя злободневность ее звучания. Для русской литературы изменение временных рамок не имело большого значения, так как русский зритель не воспринимал художественную реальность пьесы как рассказ об окружающей его действительности.

С ослаблением политической остроты пьесы связано и уточнение, касающееся финальной мысли Шиллера о том, что зло нельзя победить преступлением. Этот призыв немецкого писателя был представлен как социальный протест. Те же цели преследовало исключение спора Франца Моора с пастором о бессмертии души, в котором даже неискушенный читатель чувствовал явное осуждение материалистической философии. Конечно, такое избирательное изменение текста драмы привело к тому, что демократический пафос Шиллера оказался искаженным и идейный смысл не соответствовал оригиналу. Об этом этапе восприятия Шиллера в России точно скажет Чуковский: «Шиллер вошел в русскую литературу значительно усмирленным, приглаженным и прилизанным... Элегический Жуковский преподнес русскому обществу "Ивиковых журавлей" да "Перчатку", а Карл Моор, маркиз Поза, Дон Карлос – все эти свободолюбивые герои долго скрывались от нас, как опасные и неблагонамеренные бунтари» [8].

И лишь в 30–40-х годах Шиллер, по мнению Чуковского, открылся для русского читателя с позиций того бунтарского пафоса, который был присущ его творчеству. Хотя не все приняли революционные для того времени идеи немецкого писателя: «Правда, гегельянцы, да "лишние люди" отвернулись от него, слишком уж пылок был для них великий "адвокат человечества", слишком уж был он суров ко всему стоячему и успокоившемуся» [8]. Чуковский употребляет выражение В. Г. Белинского, который в письме к В. П. Боткину от 4 октября 1840 года писал: «Проклинаю мое гнусное стремление к примирению с гнусною действительностью! Да здравствует великий Шиллер, благородный адвокат человечества, яркая звезда спасения, эманципатор общества от кровавых предрассудков предания! Да здравствует разум, да скроется тьма!» И хотя Бе-

линский в дальнейшем не раз указывал на слабые и противоречивые черты творчества немецкого поэта, он долгое время считал его «трибуном человечества, провозвестником гуманности, страстным поклонником всего высокого и нравственно прекрасного» [8].

Собственное отношение к творчеству Шиллера Чуковский также соотносил с восприятием его эстетических и философских концепций другими русскими писателями. Он говорит об идеологическом влиянии идей немецкого поэта на творчество Достоевского, который, вспоминая свою юность, писал: «Он (Шиллер) в душу русскую всосался, клеймо в ней оставил, почти период в истории нашего развития обозначил» [8].

Тема свободолобивого пафоса была актуальна и для Некрасова в те времена, когда, по выражению Чуковского, «расцвела убогая русская гражданственность, – Некрасов так взывал к шиллеровскому духу, – духу свободы и страсти...» [8]. Далее писатель приводит в пример строки из стихотворения Некрасова «Поэту», в котором автор указывал на влияние, которое Шиллер оказывал на передовую общественную мысль:

*Прости слепцам, художник вдохновенный,
И возвратись!.. Волшебный факел свой,
Погашенный рукою дерзновенной,
Вновь засвети над гибнущей толпой!..
Вооружись небесными громами!
Наш падший дух взнеси на высоту,
Чтоб человек не мертвыми очами
Мог созерцать добро и красоту.
Казни корысть, убийство, святотатство!
Сорви венцы с предательских голов... [8].*

Чуковский соглашается, что этот призыв актуален и в настоящее время: «И теперь, – больше чем когда-либо, – празднуют безумную оргию "корысть, убийство, святотатство" – и некому казнить их» [8].

В своих литературно-критических работах Чуковский неоднократно подчеркивает, что свободолобивый пафос творчества Шиллера был понятен русской общественности, тем более в эпоху политических перемен и больших революционных событий. Имя немецкого писателя в России всегда было дорого и близко передовым общественным кругам. Классики русской литературы всегда ценили в Шиллере не только его художественный гений, но и освободительные идеи, составлявшие суть его творчества. Произведения Ф. Шиллера, благодаря многочисленным переводам получили «русскую» жизнь; мотивы, образы и идеи писателя использовали в своих произведениях некоторые русские художники. Причем это могли быть как избирательные заимствования, освоенные национальной традицией, так и стихотворные и прозаические подражания, что можно наблюдать, например, в произведениях Н. М. Карамзина, К. Н. Батюш-

кова, Г. Р. Державина, И. С. Тургенева, А. И. Тургенева, В. А. Жуковского, А. Х. Востокова, А. П. Беницкого, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского и др.

Литература

1. Асмус В. Ф. Немецкая эстетика XVIII века. М.: Едиториал УРСС, 2004. 312 с.
2. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л.: Худож. лит., 1973. 568 с.
3. Веселовский Ю. А. Драматические наброски и планы Шиллера // Шиллер Ф. Собр. соч. в пер. русских писателей: в 4 т. Т. 3. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1901. С. 222-223.
4. Данилевский Р. Ю. Шиллер и становление русского романтизма // Ранние романтические веяния: из истории международных связей русской литературы. Л.: Наука, 1972. С. 3-95.
5. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: АХЮМА, 1996. 232 с.
6. Ланштейн П. Жизнь Шиллера. М.: Радуга, 1984. 404 с.
7. Либинзон З. Е. Лекции по зарубежной литературе XVIII века: Немецкая литература XVIII века. Горький: Изд-во Горьков. гос. пед. ин-та им. М. Горького, 1955. 122 с.
8. Чуковский К. И. Памяти Шиллера // Театральная Россия. СПб., 1905. № 18.

УДК 82

*Д. Н. Черниговский (Киров, Россия)
Вятский государственный университет*

Из истории пушкиноведения: о полемике по поводу автобиографичности пушкинского творчества в русском зарубежье

В статье рассматривается происходившая в русском зарубежье в 1920-е – 1930-е годы полемика по поводу проблемы автобиографичности творчества А. С. Пушкина – одной из наиболее важных в пушкиноведении методологических проблем.

Ключевые слова: история пушкиноведения, автобиографизм в литературе, А. Л. Бем, П. М. Бицилли, М. Л. Гофман, С. Л. Франк, В. Ф. Ходасевич

В 1920-30-е гг. проблема автобиографичности пушкинского творчества находилась в центре внимания советских пушкинистов [23]. Большой интерес вызвала эта проблема и у пушкинистов в эмиграции. В частности, она стала предметом ожесточенных споров между В. Ф. Ходасевичем и М. Л. Гофманом. Poleмика разгорелась между ними после того, как в 1924 г. в Ленинграде и Па-